

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ У.Д. АЛИЕВА**

Российский фонд фундаментальных исследований

КАВКАЗОВЕДЕНИЕ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

**Карачаевск
2019**

УДК 902/904 + 93/94
ББК 63.3+63,4+63,5

Печатается по решению редакционно-издательского совета Карачаево-Черкесского государственного университета

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 19-09-20021

Кавказоведение: опыт, проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 100-летию известного ученого-кавказоведа, профессора Валентины Павловны Невской/Отв. ред. П.И. Абайханова (Магаяева). – Карачаевск, 18–19 октября 2019 г. – 486 с.

ISBN 978-5-8307-0597-4

Сборник составлен по материалам, представленным на Всероссийскую научную конференцию с международным участием «**Кавказоведение: опыт, проблемы и перспективы**». Тематика докладов отражает широкий круг кавказоведческих исследований, охватывающих проблемы как теоретико-методологического и историографического характера, так и вопросы социально-экономического, политико-правового и культурного развития Кавказа с древнейших времен по настоящее время.

Авторы опубликованных статей несут ответственность за достоверность и точность фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических и исторических названий и прочих сведений.

Редакционная коллегия:

Абайханова (Магаяева) П.И.,
Бегеулов Р.М.,
Кубанова М.Н.,
Кочкаров У.Ю.,
Текеева З.Н.

ISBN 978-5-8307-0597-4

© Карачаево-Черкесский государственный
университет имени У.Д. Алиева, 2019
© Авторы статей, 2019

18. Фитингоф-Шель, А. Участие России в торговле Гаврского порта. Донесение консула в Гавре и Руане // Сборник консульских донесений за 1899 г. – Вып. V. – СПб.: Товарищество «Художественная польза», 1899. – С. 401–403.
19. Шпаков, И.В., Михайлова, Е.Д., Коротеева, Н.Н. Бельгийские инвестиции в общественный транспорт городов Российской империи в конце XIX – начале XX вв. // Былые годы. – 2015. – Т. 38. – С. 1019–1026.
20. Эвентов, Л.Я. Иностранный капитал в нефтяной промышленности (1874–1917). М.-Л.: Плановое хозяйство, 1925. – 126 с.

УДК 93/94

Максимчик Андрей Николаевич
Белорусский государственный университет,
доцент кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени,
г. Минск, Республика Беларусь,
E-mail: forest_child@list.ru

НАСЕЛЕНИЕ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.: ВОПРОСЫ МИГРАЦИИ, РАССЕЛЕНИЯ И УЧАСТИЯ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ, КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ РЕГИОНА

***Аннотация:** В статье рассматриваются время и причины появления белорусского населения на Северном Кавказе, а также приводятся данные по численности и географии переселенцев. На основе архивных документов показаны основные источники пополнения белорусским населением территории Северного Кавказа. Затрагиваются также вопросы численности беженцев с территории Беларуси на Кавказе в годы Первой мировой войны, вклада уроженцев Беларуси в становление общероссийской системы образования на Кавказе, изучение традиций и культуры местного населения, природных богатств региона.*

***Ключевые слова:** белорусские губернии, Северный Кавказ, крестьянские переселения, оказывание населения, И.И. Минкевич, Ф.И. Пастернацкий, К.Ф. Сталь*

Maksimchik Andrey Nikolaevich
Belarusian State University,
Associate Professor the Department of Modern and
Contemporary History of BelarusMinsk, Republic of Belarus,
E-mail: forest_child@list.ru

POPULATION OF BELARUSIAN LANDS IN THE NORTH CAUCASUS IN XIX – THE BEGINNING OF XX CENTURY: ISSUES OF MIGRATION, DISTRIBUTION AND PARTICIPATION IN SOCIO-ECONOMIC, CULTURAL AND EDUCATIONAL PROCESSES OF THE REGION

***Abstract:** The article considers the time and reasons for the emergence of the Belarusian population in the North Caucasus, as well as provides data on the number and geography of displaced persons. On the basis of archival documents, the main sources of replenishment of the territory of the North Caucasus by the Belarusian population are shown. The issues of the number of refugees from the territory of Belarus in the Caucasus during the First World War, the contribution of Belarusian natives to the formation of the all-Russian education system in the Caucasus, the study of traditions and culture of the local population and the natural wealth of the region are also touched upon.*

***Key words:** Belarusian provinces, the North Caucasus, peasant migration, transfer of the population to the Cossacks, I.I. Minkevich, F.I. Pasternatsky, K.F. Stahl*

Нахождение белорусских земель в составе Российской империи существенно повлияло на ареал расселения населения этих территорий, поскольку перед ними широко распахнулись географические границы российского государства, появились условия и возможности к миграционной активности в различные уголки необъятной империи. Одним из таких направлений миграции для белорусского населения в XIX – начале XX в. стал Северный Кавказ. Перед тем как начать более детально рассматривать эту тему, следует оговорить ряд принципиальных моментов, которые требуют пояснения.

В первую очередь, исходя из заявленных в названии статьи хронологических рамок, под белорусскими землями или губерниями понимается территория 5 западных губерний: Витебской, Виленской, Гродненской, Минской и Могилевской, 35 уездов, которые наиболее точно вписываются в современные государственные границы Беларуси. При этом следует учитывать, что этнографические границы расселения белорусов не совпадают с государственными, поскольку они шире и выходят за рамки указанных административных единиц (Велижский и Невельский уезды Витебской, Скольский уезд Гродненской, Красненский уезд Смоленской и Сурожский уезд Черниговской губерний). Считаем, что привлечение каких-либо данных с этих территорий является логичным и обоснованным.

Во-вторых, учитывая полиэтничный состав населения этих земель, под белорусским населением следует также понимать евреев, татар, русских, поляков, немцев и т.д., принимавших участие в миграционном процессе. Так, в качестве примера можно привести прошение немецких рабочих суконных фабрик г. Белостока Гродненской губернии Роде, Вебера и Фрайденберга на имя министра внутренних дел от 24 сентября 1866 г. о переселении их на постоянное жительство на Кавказ [54, л. 1–2 об.]. Подобные прошения поступали от жителей Царства Польского (425 чел.), прусских (122 чел.) и австрийских подданных (35 чел.), проживавших в г. Белостоке и уездах Гродненской губернии [54, л. 3–15 об.].

В-третьих, следует учитывать тот факт, что население белорусских губерний являлось поликонфессиональным, что хорошо видно на примере таблиц переписи 1897 г. по территориально-административным единицам Кавказского края, анализировавших распределение населения по вероисповеданиям и родному языку. Носители белорусского языка относились к православным, католикам, старообрядцам, лютеранам, иудеям.

Рассматривая причины и время появления белорусского населения на Кавказе через призму историографии, следует подчеркнуть, что в настоящее время в белорусской и российской исторической науке данный вопрос является неизученным [65, с. 73]. Известно, что начиная с XVI–XVII вв. население белорусских земель в одиночку или малыми группами стало попадать в различные уголки Кавказа либо вместе с проникновением казаков, либо как пленные, взятые во время войн между Московским государством и Речью Посполитой. В качестве примера можно привести обращение воеводы Касимова Михайло Истомина к московскому царю Алексею Михайловичу в мае 1655 г., в котором он описал, как по р. Ока мимо города ехали «в стругах Кизылбаши и Горские Черкасы и везут с собой Литовские земли полоняников, купленных женок и девок, и кладут де те на тех купленных Литовских людей купчия Ивановския площади подъячих за руками...» [61, с. 145]. Под «литовскими людьми», скорее всего, следует понимать белорусское население, которое насильственно вывозилось в Московское государство во время войны с Речью Посполитой 1654–1667 гг. и нелегально продавалось на невольничьих рынках мусульманских стран, поскольку основным театром военных действий тогда являлись белорусские земли.

Помимо этого можно также упомянуть о том, что существуют не верифицируемые сведения, относящиеся к пребыванию на Северном Кавказе с образовательной миссией уроженца г. Полоцка известного государственного, церковного и культурного деятеля, поэта, богослова и педагога Самуила Гавриловича Петровского-Ситняновича (1629–1680), который больше известен под именем Симеона Полоцкого. В дагестанском историческом сочинении Абдулгусейна Ибрагимова «Тарихи Кызларкала» (1915 г.) указывалось, что в конце 1664 г. Симеон Полоцкий побывал в терских казачьих городках, а также в Абсияхкенте (совр. Кизляр), где проводил в течение месяца просветительскую работу среди местных жителей и открыл школу. «После ухода господина Полоцкого [жители] Абсияхкента совместно с [жителями] соседних русских казачьих станиц изготовили кирпичи и построили в Абсияхкенте Дом духовной культуры имени Полоцкого. Там собирались учащиеся, по вечерам проводились занятия также на арабском и персидском языках» [67, с. 225–226]. В случае подтверждения данных сведений хроники это будет первая по времени попытка организации системы российского школьного образования в регионе.

Качественно новым этапом проникновения белорусского населения на Северный Кавказ стало включение части территории Речи Посполитой в состав Российской империи в конце XVIII – начале XIX вв. Для новоприобретенных подданных это значительно упростило процесс потенциальной миграционной активности в южном направлении. Согласно материалам первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., числен-

ность белорусов (т.е. тех, кто в индивидуальном переписном листе переписи населения в графе №12 «Родной язык» указал белорусский язык) на Кавказе достигла 19 642 человек. При этом преобладающая масса белорусского населения (15 356 человек) находилась на территории Северного Кавказа: Дагестанская обл. – 38, Кубанская обл. – 12 356, Ставропольская губ. – 880, Терская обл. – 1 423, Черноморская губ. – 659) [22, с. 6]. В то же время, если производить подсчет белорусского населения по данным таблицы «Распределение неместных уроженцев по месту рождения», т. е. по 5 белорусским губерниям, то данные существенным образом отличаются (Дагестанская обл. – 447, Кубанская обл. – 4 856, Ставропольская губ. – 1 257, Терская обл. – 1 797, Черноморская губ. – 1 098). Несмотря на это, не вдаваясь в подробное выяснение причин количественной разбежки населения, можно сделать вывод о том, что в конце XIX в. Кавказский край являлся вторым по численности местом нахождения и проживания белорусов (вне пределов этнической территории) после губерний Привислинского края (29 347 человек) [22, с. 6]. К слову, тенденция роста численности белорусского населения сохранилась и в советский период. По материалам переписи населения СССР 1926 г. их количество (Северо-Кавказский край, Дагестанская АССР, Закавказская СФСР) выросло до 55 262 человек.

Отдельные факты перемещения белорусского населения на Кавказ отмечены уже с конца XVIII в., в период поэтапного включения белорусских земель в состав Российской империи. Так, в ведомости о первоначальном поселении крестьян в Кавказском наместничестве, составленной в 1784 г. Саратовским и Кавказским генерал-губернатором П.С. Потемкиным, сообщалось, что в основанном селе Высоцком (совр. Ставропольский край) было поселено 317 могилевских разночинцев мужского пола [52, с. 8]. В первой половине XIX в. белорусское население частично затронуло организованное правительством переселение малороссийских казаков, проходившее в 1792–1849 гг. [33, с. 94–95].

В XIX – начале XX вв. миграционная активность с территории белорусских губерний возросла и имела как добровольный, так и принудительный характер. Так, белорусы наравне с русскими и украинцами составляли основу призывного контингента полков российской армии, формировавших Отдельный Кавказский корпус [25, с. 136; 27]. Еще до создания корпуса рекруты, набранные по обнародованному 72-му набору 1799 г., с территории Беларуси в количестве 4 845 человек шли на пополнение войск Кавказской инспекции [63, с. 296]. Можно привести и другой пример: в соответствии с утвержденным 22 января 1862 г. расписанием призыва для укомплектования временно-отпускными нижними чинами Кавказской армии для гвардейской, гренадерской и армейской пехоты из жителей Могилевской, Витебской, Виленской и Гродненской губерний было призвано 12 367 человек [15]. Сведения о нахождении белорусского населения в Кавказской армии можно также найти в работе антрополога Н.В. Гильченко, который во второй половине 1880-х гг. занимался взвешиванием головного мозга у лиц, находившихся во Владикавказском военном госпитале. Материалом для измерений ему служили трупы, над которыми производились вскрытия. В преобладающем большинстве это были нижние чины различных частей войск местного гарнизона, комплектовавшихся в том числе и уроженцами белорусских губерний. Об этом можно узнать из помещенной в исследовании таблицы, где помимо физических параметров человека (рост, возраст, вес) указывалось место рождения, народность и общественное положение [7, с. 98–109].

Рекрутские наборы, таким образом, также способствовали перемещению белорусского населения на Кавказ. Кроме этого, из населения белорусских губерний также шло пополнение казачьих войск Кавказского края. В Российском государственном историческом архиве сохранились именные списки нижних чинов регулярных войск и их детей, поступивших на службу из помещичьих крестьян Гродненской и Минской губерний, которых зачислили в Кубанское и Терское казачьи войска за период с 1859 по 1867 гг. [56, л. 5–10, 24–35]. Помещикам выплачивалось денежное вознаграждение за тех крестьян, которые поступили в состав казачьего селения до издания манифеста от 19 февраля 1861 г. Так, за двух крестьян имения Крушина Минской губернии Иосифа и Антона Куракевичей, зачисленных в казачьи войска Кавказского края в 1860 г., производилась выплата в размере 462 руб. 80 коп. [55, л. 14].

В архивных документах также зафиксированы случаи ходатайств, связанных с переводом «для совместного житья» жен и семей солдат, которые проходили службу на

Кавказе или зачислялись в казачье сословие [45]. С таким письмом к Минскому гражданскому губернатору в 1842 г. обратился начальник артиллерийских гарнизонов Кавказского округа. Однако, как оказалось, жену циркульника Кавказского окружного арсенала Тимофею Сорокину не смогли отправить к месту, поскольку она в 1841 г. умерла [46, л. 9 об.].

Проходя военную службу в регионе, уроженцы Беларуси нередко выслуживались до высших армейских чинов (генерал-лейтенант К.Я. Белявский, генерал-лейтенант Ф.Ф. Веревкин-Шелюто, генерал от инфантерии В.М. Козловский, генерал-майор Ф.А. Круковский, генерал-лейтенант Ю.А. Чаплиц и др.) [66].

Для многих уроженцев Беларуси Кавказ являлся местом ссылки: это и участники войны 1812 г., служившие во французской армии и попавшие в плен с оружием в руках [51, с. 14], и участники вооруженного восстания 1830–1831 гг. на территории Беларуси [5], а также участники тайных организаций и обществ, действовавших на территории белорусских губерний [9; 47]. В начале 1830-х гг. по предложению Николая I Комитет Западных губерний разрабатывал проект по переселению шляхты (дворян) из Западных губерний на Кавказ, являвшихся активными организаторами и участниками антиправительственных акций в регионе [26]. Согласно повелению императора, планировалось переселение до 5 тыс. семей шляхты на казенные свободные земли на Кавказе, «дабы впоследствии поселение сие обратить на службу военную» [12, с. 91]. 25 марта 1832 г. были даже высочайше утверждены «Правила для переселения граждан и однодворцев Западных губерний в Кавказскую область». Однако власть на местах нашла непреодолимые препятствия к переселению такого значительного количества людей, проект так и остался на бумаге.

В XIX в. Кавказ также рассматривался как регион, в котором можно было сделать карьеру не только военным, но и гражданским лицам. Из архивных, а также статистических материалов видно, что белорусское население на Северном Кавказе занималось врачебной, строительной, педагогической деятельностью, организовывало собственное производство, было представлено в местной администрации, суде и полиции. Польский историк Анджей Хадубский, говоря о белорусах на Кавказе, отмечал следующее: «Значительную часть среди эмигрантов составляла интеллигенция. Часто это были выпускники высших учебных заведений, которые направлялись сюда на работу. Начав ее, они уже не хотели оставлять этот регион, руководствовались при этом разными интересами, в том числе и широкими возможностями профессионального самовыживания, и относительной свободой действий, и наличием условий хорошо подзаработать» [64, с. 52]. В качестве примера можно привести биографические данные выпускника Виленской медико-хирургической академии, представителя белорусской шляхты Антония Гудяевского. По окончании академии он в 1837 г. был назначен младшим врачом в 8-ю артиллерийскую бригаду войск, а с 1843 г. являлся штаб-врачом Кавказского отдельного корпуса. К 1868 г. дослужился до чина действительного статского советника. За время службы был награжден орденами Св. Анны III ст. (1845), Св. Владимира IV ст. (1847), Св. Анны II ст. (1847), Св. Анны II ст. с короной (1853), Св. Станислава II ст. (1859), Св. Владимира III ст. (1861), Св. Станислава I ст. (1871), удостоен золотым портсигаром с бриллиантами и вензелем с изображением императора (1861), светло-бронзовой медалью на память о войне 1853–1856 гг., крестом за службу на Кавказе (1864), медалью «За покорение Западного Кавказа» (1864), бриллиантовым кольцом с рубином (1876), благодарностями за сбор целебных растений и подготовку из них лечебных препаратов (1858, 1860, 1861, 1864, 1867, 1868, 1869, 1871, 1872). За свою службу он в 1871 г. получил участок земли в размере 400 десятин в Кубанской области, имел собственный дом во Владикавказе [6, с. 631].

В национальном историческом архиве Республики Беларусь сохранился ряд архивных дел с прошениями уроженцев Беларуси об определении их на службу в различные инстанции Кавказского края [36; 37; 38; 39; 41; 42; 43]. Так, в 1827 г. служащие Витебского губернского правления Щербинский и Ласиций обратились к Витебскому губернатору с прошением направления их в Ставрополь в общее управление Кавказской области [40, л. 5]. Данная тенденция была характерна для всего рассматриваемого периода.

Однако основной категорией, включившейся в миграционные процессы, стало крестьянство. Уже с начала 1860-х гг. население белорусских губерний постепенно стало проявлять инициативу в вопросах переселенческого движения на Кавказ, которое

в конце XIX – начале XX вв. достигло значительных размеров [3; 23; 24; 28]. Одними из первых (12 марта 1861 г.) подала прошение о разрешении переселения в Ставропольскую губернию по причине бедности крестьянская семья из деревни Нижовка Слуцкого уезда Минской губернии [4, с. 61]. В 1875 г. с разрешения наместника на Кавказе под поселение крестьян Могилевской губернии были отведены четыре участка свободной казенной земли на р. Томузловке для образования поселения Преображенского [14]. Вместе с тем, если в 1860–1880-е гг. крестьянское переселение на Кавказ не носило столь массовый характер для белорусских губерний, то на рубеже XIX–XX вв. оно трансформировалось в значительный фактор экономико-демографического развития белорусских земель. Во многом этому способствовало строительство с 1875 г. сети Владикавказской железных дорог, что значительно упрощало процесс перемещения на новое место [13, с. 328]. Точных цифр переселившихся с территории Беларуси нет, однако есть данные, что с 1906 по 1914 гг. в Кавказский край мигрировало около 55 тыс. человек [23, с. 32]. Как видно из архивных документов, переселение крестьян во многом было продиктовано аграрной перенаселенностью белорусских губерний, низкоэффективной и слабой промышленностью, которая не могла оттянуть значительные массы населения из сельского хозяйства в производство. В национальном историческом архиве Беларуси в фондах Минского (фонд 1595) и Могилевского губернских присутствий (фонд 2014) содержится более 150 дел, касающихся прошений крестьян о переселении их с семьями на Кавказ, охватывающих период с конца XIX по начало XX в. Следует подчеркнуть, что не всегда ходатайства о переселении положительно рассматривались местными органами власти. К переселенцам на Кавказ предъявлялся ряд обязательных требований. Так, в письме на имя Минского губернатора, отправленном из Переселенческого управления министерства внутренних дел, сообщалось, что в Черноморскую губернию «могут быть допускаемы коренные русские крестьяне православного вероисповедания, лично занимающиеся земледелием и имеющие достаточное число рабочих рук в семье и необходимые для первоначального обзаведения на новом месте денежные средства (300 руб. на семью). Особенно желательными колонизаторами Черноморской губернии признаются лица, знакомые с виноградарством и садоводством или производством лесных расчисток» [44, л. 54–54 об.]. Кроме этого денежные средства были необходимы для проезда к новому месту жительства. Исследователь Н.Г. Простнев привел некоторые сведения о способах совершения переселения, затрачиваемом времени на него и необходимой сумме денег. Так, переезд в Сочинский округ Черноморской области из Могилевской губернии выглядел следующим образом: «а) с родины до станции железной дороги на лошадях 40 верст – 1 день; б) до гор. Новороссийска, Черноморской области, по железной дороге 1 451 верста – 4 дня и в) от гор. Новороссийска до нового места жительства участка «Старый Кичмай», на лошадях 45 верст – 1 день. Всего 1 536 верст – 6 дней» [53, с. 14]. Дорога до Сочинского округа – 15 руб. 65 коп., продовольствие в пути – 3 руб., покупка лошади – 52 руб., коровы – 36 руб., плуга – 10 руб. 50 коп., бороны – 4 руб. 30 коп., телеги – 12 руб. и 10 пудов ржи – 8 руб. 20 коп. Всего 141 руб. 65 коп. [53, с. 15]. Многие, кто решался на переезд, вынуждены были продавать свое жилье, имущество и домашний скот, чтобы иметь средства к обустройству на новом месте.

Основным местом выхода крестьян из Беларуси являлась Могилевская губерния. Исследователь Л.Е. Козлов в начале XX в. отмечал, что наибольшее число выходцев в Черноморье (20%) дает именно эта административная единица [19, с. 107]. Именно уроженцы этой территории еще в 1869 г. основали на территории Абхазии поселение Аибга [1, с. 239]. В основу поселений зачастую ложилось наименование прежних мест жительства. Так, близ аула Шенджий был основан хутор Могилевск [20, с. 475]. В настоящее время в Тахтамукайском муниципальном районе в состав Шенджийского сельского поселения входят Старомогилевский и Новомогилевский хутора [11, с. 83]. В 1907 г. 22 семьи (57 мужчин и 57 женщин) переселенцев из Могилевской губернии основали в Хасавюртовском районе Дагестана село Могилевское [53, с. 58–59]. Из приведенных примеров видно, что переселенцы из белорусских губерний привнесли в топонимику Северного Кавказа ряд топонимов (названий сельских поселений), которые сохраняются до настоящего времени.

Точных сведений о количестве белорусского населения на Северном Кавказе в начале XX в. нет. Можно только найти отдельные документы, в которых приводится их численность. В докладе членов Кавказской Краевой Белорусской Рады о количестве и положении

белорусов на Кавказе в 1918 г. упоминалось свыше 80 тыс. человек, «часть которых занимала до сего времени государственные и частные должности, часть обосновалась на жительство после окончания военной службы в мирное время, а большую часть составляют переселенцы, которые переселились на Кавказ в период времени 1906–1914 гг. и наделены земельными участками» [2, с. 244]. Даже если принять эту цифру за настоящую, что маловероятно, то к ней необходимо еще добавить и количество беженцев Первой мировой войны с территории Беларуси. Что касается этой цифры, то точных сведений о количестве и географии белорусских беженцев на Кавказе нет. По данным Комитета ее Императорского величества великой княгини Татьяны Николаевны (Татьянинского комитета), в конце 1915 г. на Кавказе находилось всего 180 621 человек [17, с. 177], однако неизвестно, какой процент от этой цифры составляло белорусское население. Так, только с территории Гродненской губернии количество белорусских беженцев (в тексте документа они фигурируют под названием «русское население») составляло 6 330 человек (Кубанская область – 1 866 мужчин и 2 358 женщин; Ставропольская губерния – 707 мужчин и 827 женщин; Терская область – 272 мужчины и 300 женщин) [34, л. 2 об.–3]. Неполные данные есть и за более поздний период. Так, на 1 февраля 1917 г. в Кубанской области находилось 7 232 белорусских беженца [18, с. 234]. Приблизительно эту цифру (8 784 человека), но охватывая всю территорию Северного Кавказа и Закавказья на начало 1917 года, используют российские исследователи Н.А. Михалев и С.А. Пьянков [31, с. 101]. Эту цифру можно сравнить с количеством белорусских беженцев из прилегающей к Кубанской области и Ставропольскому краю Области Войска Донского, где на 10 октября 1918 г. значилось 19 889 человек из Виленской, Витебской, Гродненской и Минской губерний. В пограничных административных единицах ситуация выглядела следующим образом: Черкасский округ – 70 человек из Виленской, 1 080 – из Гродненской, 12 – Минской губерний; 1-й Донской округ – 35 человек из Виленской, 3 507 – Гродненской, 201 – Минской губерний; Сальский округ – 7 человек из Виленской, 220 – Гродненской, 12 – Минской губерний [8, л. 9]. Кроме этого, интересные данные встречаются в наказе делегированному в г. Минск товарищу председателя Белорусской рады беженцев Ставропольской губернии А.И. Вальковичу. В документе указывалось, что на территории губернии сосредоточено около 40 тыс. белорусов, которым необходимо оказать помощь и эвакуировать их на Родину [35, л. 92]. Таким образом, вопрос о численности белорусского населения на Северном Кавказе в XIX – начале XX вв. требует более детальной проработки и привлечения широкого круга архивных документов, хранящихся в республиканских архивах Северного Кавказа.

Если говорить об участии белорусского населения в социально-экономических и культурно-образовательных процессах на Кавказе, то лучше всего этот аспект раскрывается через биографии и деятельность отдельных уроженцев Беларуси. Знакомясь с ними и результатами их интеллектуального труда, начинаешь лучше осознавать вклад выходцев из Беларуси в развитие Кавказского региона, изучение его истории и культуры.

Так, можно отметить тот факт, что уроженцы белорусских губерний довольно активно включились в процесс организации и расширения сети образовательных учреждений всех уровней в регионе. Для многих из них Кавказ стал не только местом профессионального роста, но и вторым домом. Согласно материалам переписи населения Российской империи 1897 г., лица, указавшие в качестве родного языка белорусский, а основной род занятий учебную и воспитательную деятельность, в Кавказском крае распределились следующим образом: Кубанская область – 20 чел. (12 муж. и 7 жен.); Терская область – 4 (3 муж. и 1 жен.); Ставропольская губерния – 2 жен.; Черноморский округ – 1 мужчина. Однако ряд уроженцев Беларуси на момент проведения переписи либо еще не служили, либо уже завершили свою деятельность на Кавказе. К последней категории можно отнести одного из виднейших деятелей последней трети XIX в. в области распространения общероссийской системы образования на Кавказе, уроженца Могилевской губернии педагога и писателя Дмитрия Дмитриевича Семенова. В 1870–1878 гг. он руководил Кубанской учительской семинарией, а с 1878 по 1883 гг. был директором Закавказской учительской семинарии в г. Гори. Его деятельность на этих постах раскрывается на примере ряда публикаций [57; 58; 59].

После окончания в 1849 г. историко-филологического факультета Петербургского университета на Кавказе долгое время преподавал другой уроженец Могилевской губернии Евгений Антонович Нарбут. С 1849 по 1856 гг. он состоял учителем латинского языка в Ставропольской гимназии, а затем преподавал французский язык в Кутаисской гимназии (1879–1894 гг.). За его долголетнюю педагогическую деятельность 25 февра-

ля 1883 г. по представлению Комитета министров император соизволил пожаловать ему орден св. Станислава III ст. [16]. Жизнь Е.А. Нарбута трагически оборвалась 27 июня 1894 г. при крушении парохода «Владимир» [10].

Кавказский инспекторско-педагогический период в биографии отмечен у известного белорусского этнографа и фольклориста Ивана Даниловича Горбачевского [60]. Согласно ежегодным «Кавказским календарям», он преподавал в Баталпашинском шестиклассном училище (1899–1903), был инспектором Кисловодского трехклассного (1903–1908) и четырехклассного училищ (1910), а также Кизлярского трехклассного училища (1910). В 1912 г. переехал в г. Рогачев Могилевской губернии, где преподавал в высшем ремесленном училище.

Позитивный потенциал обладания достоверными знаниями о климате Кавказа и их благотворное влияние на оздоровление людей отстаивал уроженец Игуменского уезда (совр. Червенский район) Минской губернии, профессор Петербургской военно-медицинской академии Федор Игнатьевич Пастернацкий. По роду своей деятельности он исследовал лечебные факторы Кисловодска, описал санитарно-гигиеническое состояние курорта [48]. По просьбе директора Кавказских Минеральных Вод ему было поручено дать заключение о действии минеральных вод на организм человека в натуральном и газированном виде. Под руководством Ф.И. Пастернацкого была проделана серия исследований, посвященных изучению физиологического действия минеральных вод Ессентуки, Баталинская, Боржоми [32, с. 78].

Много внимания ученый уделял изучению климатических особенностей Черноморского побережья Кавказа, что позволило аргументированно опровергнуть версию о москитной теории болотной лихорадки, являвшейся «тормозом» колонизации этого края [49; 50]. Им была подготовлена подробная карта распределения лихорадок на Кавказе. Интересно, что Ф.И. Пастернацкий высказал идею о проведении колонизации Черноморского побережья не населением центральных областей России, а белорусами и украинцами. Со знанием дела он подчеркивал, что «степной русский мужик, переселившись в горы, при новых для него климатических и природных условиях не так скоро привыкает и больше страдает от местных лихорадок при работе на сырой почве, чем привычный к работе на низинах белорус или малоросс. К тому же великороссы плохо усваивают себе необходимую по здешним местам привычку селиться отдельно разбросанными хуторами и поселками (аулами), к чему более привычны на своей родине малороссы и белорусы» [50, с. 58].

Ценный этнографический материал, посвященный народной медицине народов Северного Кавказа, можно найти в работах уроженца г. Невеля Витебской губернии Ивана Ивановича Минкевича. По окончании гимназии в Витебске он в 1843 г. поступил на медицинский факультет Московского университета. В 1848 г. И.И. Минкевич успешно завершил курс обучения со степенью лекаря и правом на степень доктора по предоставлению к защите диссертации. Определение на службу младшим ординатором в Темир-Хан-Шуринский военный госпиталь подтолкнула его к выбору темы для этой квалификационной работы. С тех пор вся его служба и деятельность посвящены были Кавказу. 14 октября 1850 г. Совет Московского университета утвердил его в степени доктора медицины за подготовленную диссертацию «*De febre intermittente ejusque exitibus in Caucaso praecipue Daghestano*» («О кавказской, преимущественно дагестанской, лихорадке и ее исходах») [30].

В новом статусе И.И. Минкевич с 1851 по 1853 гг. проходил стажировку во 2-м Военно-сухопутном госпитале Санкт-Петербурга, где ассистировал известному российскому хирургу Н.И. Пирогову. С началом Крымской войны его назначают главным лекарем 14-го военно-временного госпиталя в Севастополе, а через год прикомандировывают к Тифлисскому военному госпиталю в должности ординатора [68, с. 220–221]. В жаркие для Кавказа 1850–1870-е гг. Иван Иванович постоянно находился в действующей армии, совершенствуя свои познания в области военно-полевой хирургии (хирург Эриванского, Лезгинского, Дагестанского, Рионского отрядов и т. д.).

Богатейший опыт практической работы позволил ему 27 мая 1862 г. заслуженно занять должность главного хирурга Кавказской армии, а в 1874 г. И.И. Минкевич был назначен лично в непосредственное распоряжение Главнокомандующего Кавказской армией великого князя Михаила Николаевича. Параллельно с врачебной деятельностью значительную часть времени он отводил на научные розыскания, публиковал свои статьи в различ-

ных изданиях, состоял членом-корреспондентом ряда медицинских обществ, являлся председателем и почетным членом Кавказского медицинского общества [21, с. 222]. Выйдя в сентябре 1884 г. на заслуженный отдых, И.И. Минкевич до конца своей жизни (умер 14 декабря 1897 г. в Тифлисе) посвятил себя изучению истории народной медицины на Кавказе, предрассудков и поверий местного населения в вопросах здравоохранения и личной гигиены. В «Медицинском сборнике» и «Трудах и протоколах Кавказского медицинского общества» он опубликовал ряд интереснейших работ по данной тематике: «Сравнительное исследование народных средств и обычаев медицинских на Кавказе. Отношение хевсур к их роженицам» (1891), «Музыка как медицинское средство на Кавказе» (1892), «Камни как медицинское средство и как предмет обожания на Кавказе» (1893), «Растения как медицинские средства и как предмет обожания на Кавказе» (1895), «Сравнительное исследование о гэнне, хне, употребляемой на Кавказе» (1895), «Трепанация у кавказских горцев и других различных народов» (1897). Последней работой из этой серии, которую он не успел опубликовать при жизни, была статья «Медицинские средства из царства животных, употребляемые по преимуществу в народной медицине» [29]. В ней особое место было отведено народным традициям населения Северного Кавказа, касавшимся вопросов беременности, деторождения, их предрассудкам и поверьям. Так, он сообщал, что «у Дагестанских лезгин, вблизи Дашлагара, если кто заболит желтухой, то первый, кто это заметит, должен уколоть свой 5-й палец и этой кровью помазать обе щеки больного, и он выздоровеет» [29, с. 10]. Любопытны также примеры лечения от дифтерита в Ейске. «Кубанские казаки при дифтерите заставляют больного пить свою мочу и делают примочки из махорки и мочи или из мочи и куриного помета» [29, с. 19]. И.И. Минкевич писал, что кубанские казаки при водянке давали пить воду, в которую из морды кобылы, не имевшей еще жеребенка, вытекало слюна. Подобной водой они лечили воспаления глаз [29, с. 23]. Довольно распространенным средством лечения среди казаков являлось свиное сало, а также продукты жизнедеятельности этого животного. «Кубанские казаки, – отмечал автор, – огнестрельные раны обмывают водой и в них вкладывают свиное сало. Свиным молоком обмывают веснушки; парши, струпья на голове обмывают овсяными отрубями, вываренными в уксусе, затем смазывают свиным салом. В дифтерите собирают помет свиньи, жарят его немного на сковороде с льняным маслом и эту теплую массу прикладывают на шею» [29, с. 31]. Существенно не детализируя статьи И.И. Минкевича, следует сказать, что сведения, собранные им за годы работы на Кавказе в результате контактов с местным населением, полученные из бесед с другими врачами, почерпнутые из статей и книг предшественников, на сегодняшний день не потеряли своей научной значимости и заметно дополняют представления исследователей о культурно-бытовых особенностях народов региона, их материальной и духовной культуре.

Говоря о вкладе уроженцев Беларуси в изучение истории народов Северного Кавказа, нельзя обойти еще одну фигуру. Так, ключевое место в адыгской этнографической науке занимает материал, собранный уроженцем Слуцка генералом Карлом-Александром-Адельбертом (Карлом Федоровичем) Сталем [69, с. 466]. Согласно сохранившейся надписи на могильной плите, расположенной на Втором христианском кладбище Одессы, он родился 9 ноября 1816 г. в дворянской католической семье. Образование получил в известной Слуцкой кальвинистской гимназии Минской губернии, по окончании которой продолжил учебу в Императорской военной академии в Санкт-Петербурге. В 1837 г. в звании прапорщика Кавказского карабинерного полка Карл Федорович оказался на Кавказе. Прохождение военной службы на Кавказской линии ему удавалось совмещать с изучением истории и этнографии горцев. Результатом его многолетних наблюдений стала работа «Этнографический очерк черкесского народа» (1848), которая в 1852 г. была дополнена благодаря помощи знатока адыгской культуры и языка прапорщика Умара Берсея, впоследствии ставшего разработчиком адыгской письменности [62, с. 63]. По невыясненным причинам труд К.Ф. Сталю сразу не был опубликован и долгие годы хранился в штабе Кавказского военного округа. Несмотря на это, текст его рукописи имел широкую популярность в среде других исследователей, занимавшихся историей и этнографией этого региона (Н.Ф. Дубровин, Ф.И. Леонтович). Полностью очерк был опубликован только в 1900 г. благодаря усилиям известного кавказоведа Е.Г. Вайденбаума [62] и в последующем не раз переиздавался. Данный труд содержит ценную информацию о различных сторонах жизни адыгского общества (происхождение, расселение, нравы, обычаи, фольклор, сословная структура, общественный строй, религиозная жизнь, судопроизводство, правовая культура и т. д.).

Список выходцев из Беларуси, внесших свой вклад в изучение и развитие региона, можно продолжать и дальше, однако важно подчеркнуть, что многие из них на сегодняшний день практически не ассоциируются с территорией Беларуси. В современных энциклопедических статьях их представляют в качестве известных русских или польских исследователей, забывая о том, что своими корнями они выходят из белорусских земель. Хочется надеяться на то, что данная проблематика в обозримом будущем значительно будет наращена как в историографическом, так и источниковедческом плане. На сегодняшний день перед исследователями стоит целый ряд задач, решение которых позволит наглядно продемонстрировать белорусскую составляющую в миграционном процессе на Кавказе в XIX–XX вв., а также позитивный потенциал в истории белорусско-кавказского взаимодействия.

Литература:

1. Азаренкова, А.С., Бондарь, И.Ю., Вертышева, Н.С. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.) – Краснодар: Краснодар. кн. изд-во, 1986. – 395 с.
2. «Белоруссы, Рада зовет вас...»: стварэнне і дзейнасць Каўказскай Краёвай Беларускай Рады / Публ. і камент. А.М. Максімчык // Беларускі археаграфічны штогоднік / Рэдкал.: Э. М. Савіцкі (гал. рэд.) і інш. – Мінск, 2017. – Вып. 18. – С. 230–246.
3. Бурыкина, Л.В. Белорусские мигранты как стабильный компонент восточнославянской колонизации Северо-Западного Кавказа в конце XVIII – XIX вв. // Белорусы и Беларусь в системе координат. Россия, Запад, славянский мир: вопросы идентичности, историко-культурных связей и международных отношений: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. / Науч. ред., сост. Э.Г. Вартаньян, О.В. Матвеев. – Краснодар, 2017. – С. 141–149.
4. Верещагин, П.Д. Крестьянские переселения из Белоруссии (вторая половина XIX в.). – Минск: Изд-во Белорус. гос. ун-та, 1978. – 144 с.
5. Гарбачова, В.В. Удзельнікі паўстання 1830–1831 гг. на Беларусі: бібліяграфічны слоўнік. – Мінск: БДУ, 2006. – 398 с.
6. Гербоўнік беларускай шляхты / Нацыянальны цэнтр па архівах і справаводстваў Рэсп. Беларусь, Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі, Беларускі навукова-даследчы інстытут дакументазнаўства і архіўнай справы. Т. 4: Г / [Дз. Ч. Матвейчык (кіраўнік) і інш.]. – Мінск: Беларусь, 2016. – 959 с.
7. Гильченко, Н.В. Вес головного мозга и некоторых его частей у различных племен населения России. Материалы для антропологии России. – М.: Товарищество тип. А.И. Мамонтова, 1899. – 122 с.
8. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-1261. Оп. 2. Д. 3.
9. Дьяков, В.А. Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856–1865 годов. – АН СССР, Ин-т славяноведения. – М.: Наука, 1967. – 256 с.
10. Е.А. Нарбут [некролог] // Исторический Вестник. – 1894. – Т. 11. – С. 599–600.
11. Емтыль, Р.Х. Особенности формирования топонимии Республики Адыгея // Культурная жизнь региона. – 2016. – №2 (61) – С. 81–85.
12. Журналы Комитета Западных губерний / изд. подгот. Т.В. Андреев, И.Н. Вибе, Б.П. Миловидов, Д.Н. Шилов. – Т. 1. – 1831–1835 гг. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2017. – 848 с.
13. Исмаил-Заде, Д.И. Из истории переселения российского крестьянства на Кавказ в конце XIX – начале XX в. // Исторические записки. – 1977. – Т. 99. – С. 322–337.
14. К статистике края // Кавказ. – 1877. – 13 февраля.
15. Кавказ. – 1862. – 29 марта.
16. Кавказ. – 1883. – 23 марта.
17. Киржниц, А.Д. Беженство / А. Д. Киржниц // Большая советская энциклопедия: в 65 т. – 1-е изд. – М., 1930. – Т. 5. – Стлб. 176–178.
18. Кобрын, М.У. Бежанцы і Беларускі нацыянальны рух у 1914–1920 гг. // Славянскі свет: мінулае і сучаснае: матэр. рэсп. наук. канф., 26 сакавіка 2004 г.; рэдкал.: А. П. Жытко (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2004. – С. 233–236.
19. Козлов, Л.Е. Краткий очерк переселенческих участков Черноморской губернии. – Тифлис: Тип. К.Я. Козловского, 1906. – 139 с.
20. Коков, Дж.Н. Избранные труды: в 2 т. Т. 1: Адыгская топонимия / Дж.Н. Коков. – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 488 с.
21. Косвен, М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. – 1962. – Т. 79. – Вып. 3. – С. 158–288.
22. Краткие общие сведения по империи. Распределение населения по главнейшим сословиям, вероисповеданиям, родному языку и по некоторым занятиям. – СПб.: Паровая типолитография Н.Л. Ныркина, 1905. – 43 с.

23. Крючек, П.С. Крестьянские переселения из Беларуси в годы столыпинской аграрной реформы // Труды Белорусского государственного технологического университета. – 2017. Сер. 6. – №1. – С. 31–35.
24. Крючек, П.С., Сергеев, В.Н. Переселенческие процессы с территории Беларуси на юг России во второй половине XIX – начале XX в. // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. / рэдкал.: У.К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – 2014. – Вып. 9. – С. 62–71.
25. Лапин, В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. – СПб.: Европейский дом, 2008. – 396 с.
26. Макарэвіч, В.С. Перасяленне маргінальных катэгорый шляхты з Беларусі ва ўнутраныя і памежныя губерні Расіі ў 30–60-я гг. XIX ст. / В. С. Макарэвіч // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. / рэдкал.: У.К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – 2006. – Вып. 1. – С. 46–50.
27. Матвеев, О.В. Белорусы в Кавказской войне // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (V Токаревские чтения): мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. / (г. Ростов-н/Д, 6–7 мая 2016 г.); Отв. ред. А.Л. Бойко, Д.В. Сень. – Ростов-н/Д, 2016. – С. 100–108.
28. Матвеев, О.В. Переселенцы из белорусских губерний в формировании этнокультурного пространства Кубани и Черноморья (конец XVIII – начало XX вв.) // Этнокультурное пространство Юга России (XVIII–XXI вв.): мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. / Науч. ред., сост. Н.И. Бондарь, А.И. Зудин. – Краснодар, 2013. – С. 102–121.
29. Минкевич, И.И. Медицинские средства из царства животных, употребляемые по преимуществу в народной медицине. Соответственные предрассудки и поверия. Сравнительное исследование // Медицинский сборник, издаваемый Императорским Кавказским медицинским обществом. – 1899. – №62. – С. 1–114.
30. Минкевич, И.И. О кавказской, преимущественно дагестанской, лихорадке и ее исходах // Военно-медицинский журнал, издаваемый Медицинским департаментом военного министерства. – 1850. – Ч. LVI. – №2. – С. 1–84; 1851. – Ч. LVII. – №1. – С. 1–87.
31. Михалев, Н.А., Пьянков, С.А. Беженцы Первой мировой войны в Российской империи: численность, размещение, состав // Уральский исторический вестник. – 2015. – №4 (49). – С. 95–105.
32. Молчанов, Н.С. Ф.И. Пастернацкий (научная, лечебно-педагогическая и общественная деятельность) // Клиническая медицина. – 1954. – Т. 32. – №11. – С. 75–81.
33. Народы России и Беларуси: исторический опыт и современные проблемы взаимопонимания / В.Е. Козляков [и др.]; под ред. В.Е. Козлякова, О.В. Матвеева. – Минск: БГТУ, 2017. – 218 с.
34. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 325. – Оп. 1. – Д. 21.
35. НАРБ. – Ф. 325. – Оп. 1. – Д. 10.
36. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). – Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 11303.
37. НИАБ. – Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 12088.
38. НИАБ. – Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 12093.
39. НИАБ. – Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 12127.
40. НИАБ. – Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 1354.
41. НИАБ. – Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 17856.
42. НИАБ. – Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 4948.
43. НИАБ. – Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 9894.
44. НИАБ. – Ф. 1595. – Оп. 1. – Д. 67.
45. НИАБ. – Ф. 242. – Оп. 1. – Д. 495.
46. НИАБ. – Ф. 299. – Оп. 2. – Д. 2104.
47. Некрашевич, Ф.А. Участие деятелей антиправительственных движений на территории белорусских губерний в боевых действиях на Кавказе (1812–1856 гг.) // Научные стремления. – 2016. – №17. – С. 14–17.
48. Пастернацкий, Ф.И. Кисловодск и его лечебные средства. – СПб.: Тип. Дома призрения малолет. бедных, 1891. – 79 с.
49. Пастернацкий, Ф.И. Климатолечебные пункты на черноморском побережье Кавказа. – СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1899. – 91 с.
50. Пастернацкий, Ф.И. О лихорадках на кавказско-черноморском побережье от Новороссийска до Сухума. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1900. – 77 с.
51. Прозрителев, Г.О. О военнопленных поляках на Северном Кавказе в войне 1812 года // Записки разряда военной археологии и археографии императорского русского военно-исторического общества / Под ред. Н.И. Веселовского. – 1914. – Т. 3. – С. 11–14.

52. Прозрителев, Г.Н. Первые русские поселения на Северном Кавказе и в нынешней Ставропольской губернии // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. – 1913. – Вып. 5. – С. 3–18.
53. Простнев, Н.Г. Крестьянское переселение Могилевской губернии с 1 января 1897 по 1-е июля 1909 года (За пределы губернии). – Могилев на Днепре: Губ. типография, 1910. – 99 с.
54. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 1287. – Оп. 38. – Д. 703.
55. РГИА. – Ф. 1344. – Оп. 4. – Д. 103.
56. РГИА. – Ф. 565. – Оп. 1. – Д. 2769.
57. Семенов, Д.Д. Основы педагогического образования народных учителей в Кубанской учительской семинарии // Народная школа. – 1878. – №5. – С. 21–35.
58. Семенов, Д.Д. Состояние учебного дела на Кавказе // Образование: педагогический и научно-популярный журнал. – 1892. – №1. – С. 26–28.
59. Семенов, Д.Д. Очерки начального народного образования в России (Кавказские начальные училища) // Образование: педагогический и научно-популярный журнал. – 1892. – №1. – С. 55–62.
60. Скідан, В. І. Гарбачэўскі Іван Данілавіч / В. І. Скідан // Мысліцелі і асветнікі Беларусі, Х–ХІХ стагоддзі: энцыклапедычны даведнік / Склад. Г. А. Маслыка. – Мінск: БелЭн, 1995. – С. 391.
61. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел: в 4-х ч. – М.: В тип. С. Селивановского, 1826. – Ч. 4. – 628 с.
62. Сталь, К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. – 1900. – Т. XXI. – С. 53–173.
63. Столетие Военного министерства. 1802–1902. Главный штаб. Комплектование вооруженных сил России до 1802 года. – СПб., 1902. – Ч. I. – Кн. I. – Отд. I. – 498 с.
64. Хадубскі, А. Цывілізацыйная роля беларусаў на Каўказе ў ХІХ – першай палове ХХ ст. // Беларусь паміж Усходам і Захадам: Праблемы міжнацыянальнага, міжрэлігійнага і міжкультурнага ўзаемадзеяння, дыялогу і сінтэзу / [Рэд. Ул. Конан і інш.]. – Мінск, 1997. – С. 52–57.
65. Черницын, С.В. Белорусы / С.В. Черницын // Энциклопедия культур народов Юга России: в 9 т. – Ростов-н/Д: СКНЦ ВШ, 2005. – Т. 1. – С. 73–74.
66. Чырвінскі, В. С. Беларусь у войнах Расійскай імперыі. Асобы і падзеі / В. С. Чырвінскі. – Мінск: Харвест, 2019. – 448 с.
67. Шихсаидов, А.Р., Айтберов, Т.М., Оразаев, Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения / А.Р. Шихсаидов, Т.М. Айтберов, Г.М.-Р. Оразаев. – М.: Восточная литература, 1993. – 302 с.
68. Kijas, A. Polacy w Rosji od XVII wieku do 1917 roku: Słownik biograficzny / A. Kijas. – Warszawa: Pax: Poznań, Wydawnictwo Poznańskie. XXXIV, 405 s.
69. Śliwa, J. Stahl (Stahl) Karol Aleksander Adalbert / J. Śliwa // Polski słownik biograficzny. – T. XLI/3. – Warszawa–Kraków, 2002. – S. 466–467.